

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДОМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

T. B. Волкова

Восприятие и оценка человеком собственного жилища определяется общим состоянием культуры, уровнем её развитости и жизнеспособности. Дом является важной составляющей повседневного пространства. Сфера жилища сосредоточивает в себе свойства, характерные для повседневности в целом: «близкое», «безопасное», «привычное», «организованное».

В ограниченной сфере жилища концентрируется и протекает обычно большая часть жизни семьи. Дом играет немаловажную роль в приобщении индивида к нормам и реалиям культуры и общества, здесь человек впервые познаёт мир, включается в процессы первичной социализации и инкультурации. Потребность в собственном доме соответствует второй ступени (безопасность, стабильность, защищённость) в иерархической модели потребностей по А. Маслоу. В традиционной имобилльной культуре России именно эти характеристики дома являлись особенно значимыми. Неподвижность и неизменяемость приватно-домашней сферы, неразрывность человека и дома обеспечивали поддержание личностной идентичности, сохранение глубокой устойчивости, вырабатывали чувство укоренённости, причастности к определённому месту.

В современной России происходит становление нового типа повседневного пространства, утрачивающего традиционные черты стабильности, определённости, упорядоченности. Масштабные культурные трансформации, сопряжённые с проблемами возрастающей урбанизации и территориальной гипермобильности, общим ускорением темпа и ритмов жизни приводят к изменению отношения, восприятия и оценки человеком собственного дома. В современной российской культуре жилище всё менее воспринимается как «своё», укромное и стабильное пространство с прочной защищающей границей, сфера жилья всё реже описывается посредством категорий «домашности», «уют», «комфорта» и др.

В прошлом жилище прочнее обеспечивало связь человека с традицией, поскольку передавалось от поколения к поколению. Стабильность системы жилья являлась базовой ценностью повседневной жизни. Смена или потеря родного дома сопровождались гаммой тяжёлых эмоциональных переживаний. По словам одного из крупнейших исследователей повседневности А. Шюца, «понятие “дом” имеет трудно передаваемый эмоциональный и символический характер»¹, однако современный человек всё чаще воспринимает его как исключительно пространственно-архитектурный объект, не наделяя концепт жилища никакой более глубокой ценностной семантикой. В современной культуре происходит семиотическое обеднение.

Утрата собственного дома, постоянного закона места жительства в силу каких-либо обстоятельств ещё недавно связывалась с лишением прав, негативными оценками окружающих, выступала показателем отрицательных личностных харак-

теристик, принадлежности к социальному «дну». В сегодняшней России регистрация является условием существования человека как полноценного юридического лица. Отсутствие постоянного жилья фиксируется негативным общественным мнением: аббревиатура «бомж» и её производные в настоящее время употребляются с пейоративными коннотациями. В России к людям «без определённого места жительства» относятся с неприязнью и подозрением, они автоматически признаются несущими угрозу окружающим. Данные социологических опросов свидетельствуют, что люди испытывают недоверие к нищим, приписывают им качества лживости, обмана и притворства².

Однако в настоящее время в культуре России намечаются значительные изменения. Они вызваны прежде всего стремительным ростом территориальной гипермобильности вследствие бурного развития техносферы. Стала частотной ситуация массовых миграций, смены профессиональной деятельности, места работы и др. Постоянная смена дома в силу переездов приводит к тому, что вокзальный образ жизни чаще и чётче оценивается как нормальное явление. Согласно концепции Э. Тоффлера, в современном мире любой вид мобильности, неизбежно сопряжённый с разрывом родственных и дружеских связей, соседских взаимоотношений, выпадением из определённой социальной группы, не влечёт за собой тяжелых психологических травм и переживаний. В условиях усиливающихся миграционных процессов отношения человека и места стали более многочисленными, хрупкими и недолговечными: «Мы стали свидетелями исторического процесса разрушения значения места в человеческой жизни»³. Начало тенденции «утраты корней» в России было подробно описано писателями-деревенщиками уже в 1960-х гг. Сегодня зачастую происходит добровольный отказ от постоянной и устойчивой системы дома, которой предпочтается временное и часто сменяемое жильё — съёмная комната, квартира или жизнь в сквоте. Данная тенденция свидетельствует о кризисных культурных явлениях, происходящих в культуре современности.

Для современного человека большую роль играет размещение жилища на разной по статусу территории (город — деревня, центр — периферия, столица — провинция и т.д.). В погоне за заработком и уровнем жизни россияне стремятся обустроиться в мегаполисах или более престижных районах. Миграция укрепляет престиж больших городов, что, в свою очередь, повышает её интенсивность. А. С. Панарин отмечает, что в современной урбанизированной культуре люди меньше зависят от географического происхождения, город нивелирует различия, связанные с их региональным и этническим происхождением⁴, они оказываются мало способными по-настоящему привязаться к чему-либо. Духовные связи с «малой родиной» утрачиваются. В этом отношении особую важность представляет идея Э. Тоффлера о мире «одноразовой культуры», когда человек ориентирован на однократное или краткосрочное использование всех окружающих его предметов: «...мы полностью вычерпываем места и избавляемся от них, подобно тому, как мы выкидываем одноразовые тарелки и банки из-под пива...»⁵.

Уподобление жилища одноразовым предметам влечёт разрушение духовно-психологической связи и близости человека со своим домом, который легко пре-

вращается в обменный и заменимый объект, поскольку воспринимается именно как временное пристанище. Подобное отношение к жилищу объясняется и широким распространением стандартной технологии строительства. В больших городах происходит утрата дома не в юридическом, а в культурном смысле, поскольку жилище превратилось в «машину жилья»⁶.

Ж. Бодрийяр отмечает смену семантики дома: «Сегодня жилище ценится не за его удобство и уют, а за его информативность, насыщенность изобретениями, контролируемость, постоянную открытость для сообщений, вносимых вещами»⁷. Это справедливо в отношении средств аудио- и видеокоммуникаций, почти неотъемлемых атрибутов повседневно-бытовой среды современного дома. Другие предметы бытовой культуры обезличиваются, утрачивая информативность.

В Европе и Америке съёмное жильё становится абсолютной нормой. Человек с лёгкостью расстаётся не только с помещением, но и с «внутренним наполнением» прежнего жилища. Показательны слова К. Лоренца: «Примечательно, как легко распродают многие американцы при переезде весь свой домашний скарб, покупая потом всё новое»⁸. В силу процессов глобализации и вестернизации аналогичная тенденция намечается и в современной российской культуре. Происходит десемантизация предметов, утрата их значения. Среди вещей не остается тех, которые на протяжении веков обладали безусловной ценностью (например, семейные реликвии, портреты предков и т.д.). С конца 1950-х гг. страну охватила тенденция избавления от антиквариата — вещей, традиционно имевших высокую семантическую нагрузку. Габариты квартир панельных домов, массовое строительство которых началось с 1960-х гг., были уменьшены по сравнению с существовавшими прежде строительными нормами и тем более по сравнению с домами дореволюционной постройки. Мебель, соответствующая крупным дореволюционным масштабам, не вписывалась в новые квартиры. То же происходило и при переезде из деревни в город. Утрата культурной памяти и традиции привела к обесцениванию и других старинных предметов быта, которые по размерам могли бы разместиться в новопостроенных домах, заполнявшихся, в угоду моде, стандартной мебелью и вещами. Согласно Г. С. Кнабе, вещи призваны выразить индивидуальность, личный вкус и тем самым личное мироощущение⁹. Каждущееся разнообразие предметов повседневного быта, сконцентрированных в жилище современного россиянина, создаётся набором вполне стандартных и ограниченных вариаций формы, размера, материала и цвета. Стандартизация повседневно-бытовой среды разрушает границу жилища, обезличивая внутреннее пространство дома, что, в свою очередь, превращает жильё в тиражируемый объект, который можно легко сменить. Приходится констатировать, что вестернизация заметно затронула современную Россию: съёмное жильё как норма — яркий пример.

В современной российской культуре, с одной стороны, отмечается установка на невнимание к внутреннему облику собственного дома, использование унифицирующих средств в его отделке и оформлении, тенденция к упрощению в интерьере, дезадаптивный, культурно-неблагоприятный вариант поведения; с другой — стремление к усложнению, созданию индивидуального пространства,

что находит отражение в возрастающей популярности таких стилей, как «неоампир», «неомодерн», «новорусский стиль». С конца 1980-х гг. и по сей день наблюдается взлёт антикварного бизнеса, увеличивается число антикварных магазинов и салонов. Сегодня мода на антиквариат достигает значительного размаха. При этом люди пытаются восстановить не только культурную традицию, но и семиотическую границу, освободиться от господства стандарта и вернуть жилью его индивидуальный облик, для чего существует особая зона антикварного бизнеса — «бытовой антиквариат», — позволяющая делать покупки людям со средним достатком. В 1990-е гг. на нём порой специализировались целые магазины, не выдержавшие потом конкурентной борьбы (например, «Лавка старьёвщика» на Васильевском острове Санкт-Петербурга). Стабильно находит покупателей и заведомая имитация антикварных вещей.

В современной культуре ценится не только наличие жилья как такового, но и его функциональные характеристики, уровень комфорtnости, соответствие стандартам развитых европейских стран. С начала 1990-х гг. у значительной части россиян появилась возможность применения импортных стройматериалов и технологий, с этого же времени в лексикон устойчиво вошло понятие «евроремонт» как признак определённого благополучия. Современный человек проявляет больше внимания к оформлению своего жилья, однако «европеизация» способствует разрыву с культурной традицией, приводит к унификации по европейскому образцу, хотя делаются попытки вернуться к традиции отечественного дизайна жилья рубежа XIX–XX вв.

Обезличенность современного жилища, его внешнего и внутреннего пространства порождает аксиологически нейтральное восприятие собственного дома, приводя к разрыву связей с культурной традицией прошлого, возникновению чувства одиночества, бездомности и безродности, отсутствия корней. В современной культуре происходит утрата глубины понятия «дом», что приводит к смене мировоззренческих ориентиров, стиранию собственной идентичности и массовой дезадаптации.

Жилище является не просто архитектурным каркасом, начинённым разнообразными техническими новшествами, концепт дома прежде всего предполагает особый способ взаимоотношения человека и мира. Отношение к собственному дому подвергается в современной культуре серьёзным изменениям. Неподвижность жилища как локуса повседневной жизни более не является общепринятой ценностью, что объясняется общими кризисными явлениями, происходящими в современной российской культуре. С другой стороны, отмечается тенденция сохранения традиционного восприятия жилища как поля повседневной жизни, что препятствует структурным и функциональным изменениям в системе современного дома. Перспективы этих изменений находятся в тесной зависимости от того, какая из тенденций окажется ведущей в ближайшем будущем.

---

¹ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 209.

² Рождественская Е. Ю., Семёнова В. В., Стрельникова А. В. Отношение россиян к социально не защищённым группам // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 129–137.

³ Тоффлер Э. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. С. 56.

⁴ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эсмо-Пресс, 2002. С. 42.

⁵ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 56.

⁶ Марков Б. В. Образ современности в зеркале философии // Нева. СПб., 2008. № 8. С. 95.

⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 29.

⁸ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 15.

⁹ Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 52–53.